

Раздел I. КЛАССИКИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ О ПРИРОДЕ ДУХОВНОСТИ

ПОЧЕМУ ОСУЩЕСТВИЛСЯ ТВОРЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ?

Гончаров С. З.

«Универсум» означает всеохватность, *неоконечную* полноту содержания. *Творческий универсум* – это возрастающая *неоконечная* полнота смыслов, такой процесс порождения смыслов и значений, который реализуется как *перманентный выход за пределы уже достигнутого*, ставшего, «отвердевшего». Гегель посвятил свое творчество понятийному выражению этого величественного процесса, в котором дух обретает все новые формы и всегда остается юным и креативным. Понятийным выражением процесса универсальности духа явилась у Гегеля *диалектика* как логика нарастания *конкретного* богатого содержания.

Вникая в смысл «Феноменологии духа» Гегеля и в последующие его гениальные творения, нельзя не изумиться всеохватной полноте мысли и чувства их автора. Вся последующая философия в ее классических вершинах создавалась как продолжение того мощного импульса, который сообщил Гегель мыслящему разуму. К таким вершинам по праву можно отнести *классическую русскую философию* от И. В. Киреевского до А. Ф. Лосева включительно.

Дух универсальности обрел в русской философии особый *национальный* окрас, качественные приращения не только по глубине и широте исследования реальности, но и, что важно, в силу особенного *духовного акта* познания, понимания и выражения. В чем состоит такой акт – этому посвящена статья.

Истоки творческого универсума русской классической культуры. К таким истокам можно отнести в первую очередь ценности *православия*, его вселенское дыхание, и *целостность духовного акта*, каким создавалась русская философия и вся культура.

Православные ценности и своеобразие духовного акта русской культуры нераздельны как два магдебургских полушария. Православие есть религия совершенства Божия. А совершенство нам, людям,

доступно как гармония истинного, доброго и прекрасного. Такая гармония приоткрывается как веяние *Духа Святого*, как *Божия благодать*.

Совершенство предстает в трех проекциях: разуму оно дано как *объективная истина*, свободной воле – как *добро*, созерцанию – как *красота*. Эти три образа *одного и того же* вначале зарождаются в *любящем сердце*. Ибо совершенное содержание познается совершенным же образом – *любовью*. Любовь воспринимает совершенство *эмоционально-целостно* и *художественно*: она направляет мышление к *истине*, волю – к сотворению *добра*, а созерцание – к восприятию *красоты*. Вера же вновь соединяет три проекции в единый *фокус* и постигает совершенство *духовно-целостно*, устремляясь к его абсолютному первоистoku – к Божеству как *полноте всех совершенств*. Совесть же оценивает помыслы и деяния с позиций должного совершенства. Любящее сердце, творческое созерцание, разум, воля вера и совесть – это необходимые моменты *целостного духовного акта*. И все они наполнены одним и тем же субстанциальным содержанием – совершенством. Строение такого акта можно представить так:

А. С. Пушкин отмечал: «Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир... Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер. В России влияние Духовенства столь же благотворно, сколько пагубно в землях

римско-католических. ... Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением. Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; история ее требует другой мысли, другой формулы»¹. Пушкин, писал И. А. Ильин, как никто до него, видел Россию до глубины. «Он видел ее по-русски. А видеть по-русски – значит *видеть сердцем*. И он сам знал это; поэтому и написал: “Нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви”. Но именно силою любви он и мог разрешить свое великое задание»².

Что касается «сердца» – источника духовной любви и творческого созерцания, то оно как-то оледенело в современных условиях либеральной рыночной экономики (максимум прибыли – минимум совести) настолько, что упоминание о нем в философии и психологии ныне считается дурным тоном.

Цветение русской культуры изошло из корней православия потому, что оно окормляет души светом *совершенства* Божия и даром *любящего сердца*; т.е. *объективно лучшим* содержанием и *субъективно верным* актом приятия этого содержания. Русская культура цвела тогда, когда народ искал «не силы, а совершенства, не власти, а любви, не пользы, а Бога». А когда «дух ищет совершенства», тогда «начинается культурное цветение религиозно захваченного народа»³.

Как крестьянин улавливает через агрокультуру солнечный луч и кормит всех, так и Православие своим духовным опытом улавливает свет совершенства Божия и окормляет им наши души. Под лучами такого благодатного света расцветают дух и культура народа, утверждается *чувство качества и верного ранга ценностей*. Как однородный луч света преломляется в бесконечное многообразие цветов, так и *чувство совершенства выражается в спектре всех положительных ценностей и качеств человека*: любви и добра, совести и достоинства, верности и служения, мастерства и художества, справедливости и братской солидарности, окрыленной веры. Ибо человек любит лучшее, *достоинство* он обретает не в пустяках, а в *великом и прекрасном*, он *верен совершенному*, им он *вдохновляется* в творчестве и во всяком мастерстве, ему он служит за совесть и готов его храбро *оборонять мечом*.

¹ Цит. по: Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Ильин И. А. Одинокий художник. М., 1993. С.54 – 55.

² Ильин И. А. Там же. С. 57.

³ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 59.

Стремление к совершенному захватывает все существо человека и облагораживает все его проявления; оно соединяет *инстинкт с идеалом, натуру с культурой, подсознание с сознанием*, гармонизируя субъективность. *Автономия личности в самоопределении и волевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент нравственности (совесть), правосознания и продуктивного творчества.*

Идеи И. А. Ильина (1883 – 1954) о *духовном акте, о сердечном* (духовном, творческом) созерцании, проясняют своеобразие русской культуры. Вслед за Платоном и творцами святоотеческого Предания Ильин построил свою философию на *сердечном духовном созерцании*, которое он отождествлял с *творческим созерцанием* и которому придавал очень высокое эвристическое значение.

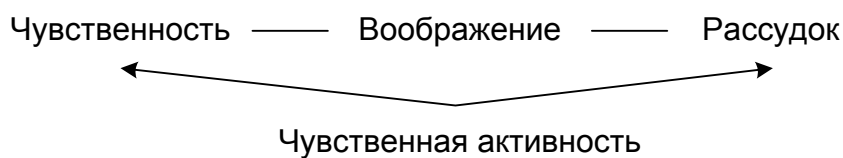
Человек и чувственно воспринимает, и мыслит, и духовно созерцает, и верует, и любит, и волит, и совестится. Эти акты есть проявления духовных сил (чувств, мышления, воображения, сердца, веры и др.). Если эти силы сращены в *единство*, то у человека образуется верный, *целостный*, духовный акт, который дарует ему *полноту миропонимания и переживания*, «изумление» (Аристотель) от звездного мира. Духовный акт есть особое сочетание духовных сил, способ восприятия, понимания, переживания и умудрения. Задача статьи – реконструировать идею Ильина о *сердечном созерцании* как о *духовном органе* продуктивного творчества во всех областях русской культуры.

И. Кант раскрыл логический синтез: чувственно многообразное, данное в живом созерцании, воображение сводит к единству *Я* (рассудку) согласно категориям. Категории есть способы приводить чувственно многообразное содержание восприятий к *единству самосознания*. Раз предмет воссоздан активностью *Я* и помещен в поле значений, то понятие превращается в *функциональный орган свободы воли*, субъект теперь властвует над понятием, и тем самым символически властвует над предметом. Понятийная власть проявится затем в реальном производстве предмета с нужной его модификацией согласно целям субъекта.

Учение Канта о логическом синтезе рассудка следует, на наш взгляд, дополнить концепцией аксиологического эмотивного (от слова «эмоция») синтеза «сердца». Логический синтез продуцирует понятия, а аксиологический синтез творит *ценностные установки*. Ценности же избираются не мышлением, а *чувствами*. Возникает вопрос о

той основе, которая осуществляет *эмотивный аксиологический синтез*.

Сердце как духовный орган человека. Психика от рождения есть природный материал – *чувственная активность*. Чувственная активность включает в себя противоположные моменты – *сенсорное и моторное, чувственное и деятельное*. Эти два параметра *нераздельны, но и неслиянны*. Они предполагают друг друга и в тоже время качественно отличны друг от друга. В процессе социализации чувственная активность поляризуется на перцепцию и на апперцепцию, на *внешнепредметную чувственность и на рассудок*. Но нераздельность чувственного и активного сохраняется благодаря *воображению*: *чувственность – воображение – рассудок*:

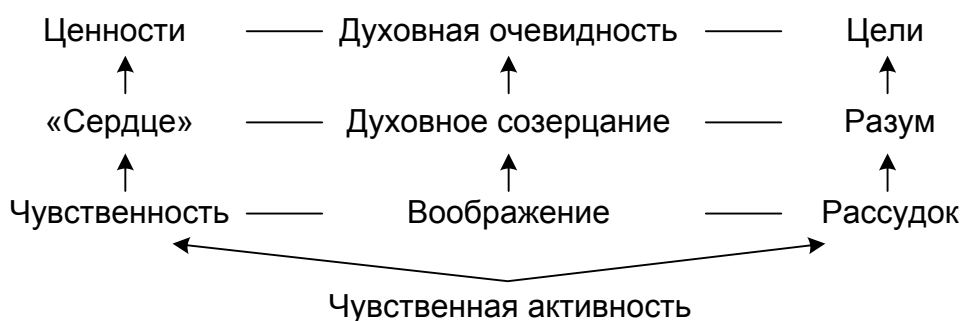

Эта связь относится к *первому уровню* психики.

Рассудок, по Канту, развивается в *целеполагающий разум*. А как быть с чувственностью? Она тоже модифицируется. Во «внутреннем чувстве», о котором писал Кант, возникают не только время и последовательность априорных действий, образующих затем понятия, но и особая модальность – *духовные чувства*, возникающие уже *не от физических воздействий*, но от *переживания значений* (радость, уважение, презрение; или общее чувство красоты, добра, божества). Это – *понимающие чувства, «чувства-теоретики»* (К. Маркс). Их лоном и сосредоточием является «сердце» как душевно-духовный орган.

Нераздельность чувственной активности дает о себе знать и на *втором, высшем* уровне человеческой психики: как чувственность и рассудок соединены воображением и не существуют как две параллельные прямые, так же «сердце» соединено с разумом духовным, сердечным созерцанием: *сердце – духовное созерцание – разум*.

Духовное созерцание – *высшая форма постижения реальности*: в нем понимающие чувства и целеполагание разума синтезируются в *новое, духовное состояние* и человеку открываются в акте *духовной очевидности* новые грани бытия, недоступные «одноэтажной» психике. Два уровня психики представим схематично:

Рассудок осуществляет логический синтез. «Сердце» же творит *аксиологический эмотивный синтез*, который не менее важен. Ценности избираются чувствами и обосновываются мышлением. «В постижении ценностей основополагающая роль принадлежит человеческим эмоциям»¹. Ценности направляют самоопределение, в них заложена *генетика социального поведения*.

Чувственная достоверность – это вестник *внешнего бытия*. Духовное созерцание дарует *очевидность во внутреннем опыте*. Чистая апперцепция корнями уходит во внешнее действие. Помимо вертикали «внешнее действие – апперцепция», существует иная вертикаль: «потребность – однородное чувство совершенства». Чистая апперцепция – деятельный центр и всеобщий представитель всех схем действий в форме категорий, «сердце» – аксиологический центр и всеобщий представитель *эмоций и ценностей*.

Как апперцепция (рассудок) связывает чувственный материал в аспекте формы, отношений, структуры, так и «сердце» синтезирует воедино *эмоционально-ценностные модальности*. Единство апперцепции есть источник формального единства рассудка, однородный свет совершенства, вспыхнувший однажды в душе, есть *источник единства всего ценностного самосознания, его качественный субстрат и генетическая основа* все положительных качеств и ценностей человека, духа, религии, культуры и воспитания.

В «сердце» эмоции доведены до предельно легких фракций и обнажают свой общий субстрат – *однородное чувство совершенства*. Это чувство верховно-предельное; оно есть *переживание гармонии*

¹ Мирошников Ю. И. Аксиология как часть философского знания // Гуманитарные исследования: Ежегодник. Вып. 9. Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 2004. С. 57.

истины, добра и красоты, объединяет тем самым мышление, волю и чувство.

Единение истинного, доброго и прекрасного – «осевое» в культуре от античности до наших дней. Чувство совершенства связывается в смысловом отношении с идеями и целями разума благодаря посреднику – *духовному созерцанию*. Продуктивное воображение производит идеальный предмет, духовное созерцание *обозревает* идеальную реальность и тоже синтезирует согласно однородному *чувству совершенства и целям разума*.

Ценности «сердца» направляют цели разума. Цели разума переводятся на «язык сердца». *На втором уровне психики действуют смыслы как высшие идеальные образования.*

И «сердце», и разум стремятся к *безусловному*: «сердце» – к *идеалу*, в конечном счете, к *Божеству*; разум – к самодостаточному предельному началу, которое содержит в себе основание собственного бытия и является самообоснованным и самообусловленным (например, самопричинность субстанции у Спинозы).

Оба вектора таких стремлений объединяются в духовном созерцании, *в высшей инстанции умозрения и понимания*. Такое стремление «сердца» и разума объяснимо: субъект выходит за пределы внешней природы и собственной чувственности, всего эмпирического материала, укореняется «сердцем» и помышлением в *предельном* основании, в образе Божиим, чтобы, исходя из него, преобразовать существующую реальность согласно императивам *должного*.

Вызревшая в фабрично-заводском укладе жизни *сциентистская установка* – наука является единственно верной формой ориентации человек в мире – гибельна для всего ценностного самосознания личности и народа. Гибельна не только для религии, но и ... для нравственности! Ведь нравственность тоже не научна, как и религия. В религии и нравственности решается вопрос не о том, как устроено мироздание, но как нам, людям, следует поступать *должным* образом. Наука этот вопрос не решает. Она есть карта закономерностей. Из этой карты не вычитаешь ответа на вопрос, как должно жить, по какому маршруту идти, к кому и зачем. Чем в большей мере наука теснила религию, тем в большей мере нравственность заменялась политикой.

О первенстве сердца как душевно-духовного органа писали Г. С. Сковорода, П. Д. Юркевич, И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев и др., не говоря уже о Евангелиях и святоотеческом Предании. «Сам ты есть

твое сердце», «истинный человек есть сердце в человеке»¹; «Сердце есть сосредоточие душевной и духовной жизни человека, скрижаль, на которой написан естественный нравственный закон. Мир, как система явлений жизненных, полных красоты и знаменательности, существует и открывается первее всего для глубоко сердца и отсюда уже для понимающего мышления, лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях»². «Русская идея, – подчеркивал И. А. Ильин, – есть идея *сердца*. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности»³.

У других народов, продолжает свою мысль И. А. Ильин, был издревле другой творческий уклад: свой особый – у иудеев, свой особый – у греков, особый у римлян, иной у германцев, иной у галлов, иной у англичан. У них другая вера, другая наследственность, другая природа, другая история. У них свои достоинства и свои недостатки. Кто из нас, спрашивает И. А. Ильин, захочет заимствовать их недостатки? – Никто. «А достоинства нам даны и заданы наши собственные. И когда мы сумеем преодолеть свои недостатки, – совестью, молитвою, трудом и воспитанием, – тогда наши достоинства расцветут так, что о чужих никто из нас не захочет и помышлять»⁴.

Например, замечает И.А. Ильин, все попытки заимствовать у католиков их волевую и умственную культуру, были бы для нас безнадежны «Их культура выросла исторически из преобладания воли над сердцем, анализа над созерцанием, рассудка во всей его практической трезвости над совестью, власти и принуждения над свободой. Как же мы могли бы, – восклицает И. А. Ильин, – заимствовать у них эту культуру, если у нас соотношение этих сил является обратным? Ведь нам пришлось бы погасить в себе силы сердца, созерцания, совести и свободы или, во всяком случае, отказаться от их преобладания. И неужели есть наивные люди, воображающие, что мы могли бы достигнуть этого, заглушив в себе славянство, искоренив в себе веко-

¹ Сковорода Г. С. Соч.: В 2 т. – М. 1993. С. 142.

² Юркевич П. Д. Филос. произв. – М., 1990. С. 69, 72, 82-83.

³ Ильин И. А. Наши задачи: В 2 т. – М., 1992.. Т 1. С. 420.

⁴ Ильин И.А. О русской идее // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн.1. С. 425.

вечное воздействие нашей природы и истории, подавив в себе наше органическое свободолюбие, извергнув из себя естественную православно-души и непосредственную искренность духа? И для чего? Для того, чтобы искусственно привить себе чуждый нам дух иудаизма, пропитывающий католическую культуру, и далее – дух римского права, дух умственного и волевого формализма и, наконец, дух мировой власти, столь характерный для католиков? А в сущности говоря, для того, чтобы отказаться от собственной, исторически и религиозно заданной нам культуры духа, воли и ума... Напротив, нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания – *свою, особую, новую, русскую культуру воли, мысли и организации*»¹.

Да, И. А. Ильин – это Пушкин в философии как по глубине мысли, так и по точности слова. В России необходимо срочно изменить содержание СМИ, насаждающие чуждые русской ментальности стереотипы. Ибо «Россия не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все, что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система, со своими дарами и заданиями. Мало того, – за нею стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказываться и от которого нам не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели»².

Мышление синтезирует явления со стороны *формы, отношений, структуры*; «сердце» синтезирует явления в аспекте их значимости для человека на основе *однородного чувства совершенства*. Аксиологический синтез проявляется в *нравственной, эстетической и религиозной* формах. За развитым нравственным чувством (совесть), эстетическим вкусом, религиозным настроением души скрывается их глубинная основа – *однородное чувство совершенства*. Это чувство есть корень духа, религии, нравственности и эстетического отношения. «Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности ... Религиозная вера горит именно тогда, когда она есть проявление *свободной любви к безусловному совершенству*»³.

Если совершенство раскрывается верованию как *образ Божий*, то нравственной воле как *добро*, а эстетическому созерцанию как *кра-*

¹ Ильин И. А. О русской идее. С. 425-426.

² Там же. С. 426.

³ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. – М., 1993, т. 1. С. 56.

сота, прекрасное. Все положительные ценности и чувства есть многообразные выражения совершенства.

Любовь к совершенству, подчеркивал И. А. Ильин, не есть аффектированная фраза или сентиментальная выдумка, *«но живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории.* Поколение людей, которому это чувство чуждо и непонятно – есть поколение мертвое, слепое и обреченное. Все основатели великих духовных религий – Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Зороастр, Моисей были движимы этим чувством»¹. В Евангелии выговорена тайна религиозного опыта: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» [Мф. 5, 48] и «любите друг друга». Совершенство – содержание духа, а любовь – верный акт приятия этого содержания. Дух есть *сознающее себя совершенство*, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны. Угасание эмотивного синтеза «сердца» ведет и к угасанию духовного уровня психики.

Как апперцепция (рассудок) есть основа единства логического сознания, так и *однородное чувство совершенства есть основа аксиологического синтеза и единства всего ценностного сознания.* В воспитании ценностного сознания синтез «сердца» является базисным. Особенностью духовного акта русской культуры является первенство аксиологического синтеза над логическим, «сердца» – над рассудком. «Русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести»². Односторонность сциентизма (абсолютизации науки) состоит в отвлечении от аксиологического синтеза «сердца», что характерно для современной технической цивилизации.

Онтологический статус ценностного синтеза «сердца». На каком же основании мы утверждаем о том, что аксиологический синтез «сердца» творится из единого источника – однородного чувства совершенства, как гармоничного единения Истины, Добра и Красоты? На основании *коренных практических ценностных установок*, которые развернуто выражены в реальной жизни людей, обобщены в *истории философии и теологии* и представлены как единение истины, добра и красоты. Эта триада носит *родовой, всечеловеческий, универсальный* статус со времен античного самосознания; она не привязана к исторически изменчивым индивидуальным и социально-групповым установкам и составляет «потолок», к которому восходит, в итоге и

¹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. – М., 1993, т. 1. С. 97.

² Там же. С. 329.

эмпирическое сознание индивида, и теоретическая мысль философа и теолога. Универсальность этой триады признали классики русской философии – В. С. Соловьев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский. Истину, Добро и Красоту В. И. Плотников оценивает как «высшие ценности», которые выполняют *«эталонную функцию»*¹. Универсально-родовой характер этих ценностей, как «вечных ликов культуры» отмечает Б. Л. Губман². В них, писал И. Я. Лойфман, заключен «смысл подлинного бытия человека» и благодаря им философия становится «мудростью»³. Проблема состоит в умелой реализации их «эталонных функций».

В Библии сердце толкуется как разумный орган, как лоно духа и познания высшей реальности: «Размыслите в сердцах ваших» [Пс. 4, 5]; «Мудрость почиет в сердце разумного» [Притч. 14, 33]; «Бог послал в сердца ваши Духа» [Галл. 4, 6]; «Вложу законы Мои в сердца их» [Евр.10, 16]; «Если ...будешь сердцем твоим веровать» [Рим. 10, 9]; «Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим» [Втор. 6, 5]; «Господа Бога святите в сердцах ваших» [1 Пет. 3, 15]. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), ученый, хирург, лауреат Сталинской премии полагал, что сердце есть «второй орган восприятия, познания, мысли», «орган чувств вообще, и в особенности – высших чувств»⁴.

Библия содержит религиозно-напряженный поиск ответа на вопрос, как людям должно жить, и вопрос решается в смысловом поле «Бог – любящее сердце человека».

Почему именно сердце? Вероятно, потому, что оно только и может направить человека к верному ответу на вопрос «*во имя чего?*». Ибо логика мысли инструментальна и способна решать вопросы иного порядка: «что?», «как?», «почему?».

Если богопознание доступно лишь любящему сердцу, а Бог есть «абсолютное Совершенство» (Н. О. Лосский), то совершенство воспринимается именно сердцем, «чистым сердцем». Божественное совершенство есть то *зеркало*, которое выражает фундаментальный

¹ Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба. // Двадцать лекций по философии: Учеб. пособие. – 2 изд. – Екатеринбург. 2002. С. 373.

² Губман Б. Л. Западная философия культуры XX века. – Тверь, 1997. С. 24.

³ Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии: Избранные работы. Екатеринбург, 2002. С. 41.

⁴ Лука, святитель (Войно-Ясенецкий) Наука и религия: Дух, душа и тело. – Ростов-на-Дону, 2001. С. С.175, 185.

факт – *тайну синтеза сердца на основе однородного чувства совершенства.*

И все-таки остается вопрос, но уже не аксиологического, а *онтологического* порядка, почему не рассудку, а именно сердцу доступен *пластично-художественный и емкий в смысловом отношении ценностный синтез?*

Дело в том, что чувство, в частности *духовное*, имеет *иной онтологический* статус бытия, чем понятия мышления. Одному понятию можно без особых переживаний противопоставить другое понятие. Ибо понятия есть *формы* (структуры) внешних тел, но без *материи*, они – подобны *пленникам* в мышлении субъекта, существующие *вне своего прежнего имманентного субстрата*. Формула воды не кипит и не замерзает.

Другое дело чувство; оно есть *имманентная* реальность, *не пересаживаемая* на нейтральный для нее материал, как понятие (форма вещи вне вещи). В чувстве объективное и субъективное сняты в особой *естественной реальности*. Выходит сам естественный субстрат (чувство) *мыслит и понимает!*; *причем, способен это делать, исходя из совершенства*. Вот почему «Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим» и «Вложу законы Мои в сердца их». *Так надежнее!*

Библейские пророки и апостолы утверждали великие духовные истины для новой жизни, а не отвлеченные умствования, платили за такие истины своими жизнями; они апеллировали к сердцу потому, что практика жизни подтверждала особый онтологический и аксиологический статус сердца. По той же причине люди строят главное в жизни «не на умозрительных домыслах и расчетах, но на *святынях*», «основу культуры каждого из народов составляют свои *культовые* святыни, не подлежащие никакому логическому обоснованию и не переводимые адекватно на язык культуры иной»¹. Культовые святыни народ хранит в «сердце». Построения же одного ума скоротечны. Библия обращается к сердцу потому, что оно способно направлять мысль и волю к совершенству.

Итак, сам естественный субстрат (духовные чувства) мыслит. Этим объяснимо пластичность, целостность, художественность сердечного созерцания, в котором *материя и форма не отделены* как в логическом мышлении. Но подобное присуще и бессознательной природе, в каждой целостности которой материя (субстрат) и форма

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу: Трагедия человеческого сознания. – М., 1996. С. 380-381.

имманентны друг другу. Природа творит *цело*–сообразно: части цветка или живого тела функционируют согласно мере целого. Отсюда – пластика природных форм. В сердечном созерцании *субстрат и форма тоже имманентны друг другу*, поэтому порождения такого созерцания «органичны», цело–сообразны, схватывают целое и мудры. *Форма ищется самим субстратом (чувством)*!

Предметность и эвристичность сердечного созерцания. Сердечное созерцание креативное, творческое. «Сердце» – сосредоточие душевно-духовных чувств. Главным же житнетворческим чувством является любовь, взятая на духовном уровне и потому тяготеющая к объективно лучшему – к «качеству, достоинству, совершенству»; к «божественному совершенству во всех явлениях»; она – «вкус к совершенству»¹.

Такая любовь креативна по отношению к иным *способностям* и по отношению к *реальности*. Любовь превращает воображение в *предметное* видение, наполняет мысль живым содержанием и дает ему силу предметной *очевидности*, превращает волю в *орган совести*, очищает инстинкт, сообразуя его *с идеалом*, облагораживает чувственные восприятия, придавая им *эстетико-художественный* значение и направляя их к искусству.

В отношении реальности любовь сообщает всем этим способностям *предметность*, интенцию на *достойный* предмет. Возникает интенсивное созерцающее вчувствование в жизненные содержания, и субъект погружается в глубину предмета, сливается с ним и мыслит о нем, из него, на его предметном языке. *Предметность* – это пропуск в науку и искусство, во всякое творческое дело. Потеря предметности – начало угасания мысли, духа и культуры.

Сердечное созерцание образуется приблизительно так. Духовная любовь овладевает воображением, наполняет его своей силой и указывает ему *достойный* предмет. В человеке образуется орган творчества, познания и жизни, окрыляющий его². Человек *предметно вчувствуется* и сочетает *объективизм предметной культуры* со всею силою *лично субъективного самовложения*. От этого его творческий акт получает новое направление и новую силу. Если к этому присоединяется художественное дарование, то он приобретает способность особой мощи: «восприятие может дойти до *художественного отожд-*

¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. – М., 2003. С. 56-57.

² Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 541–542

дествления с сущностью вещей и человека», «до своеобразного ясно-видения»¹.

Созерцающее вчувствование может постепенно овладевать всеми способностями человека: инстинктом, волею, мыслью и другими силами духа. Тогда душа станет лепким воском, будет повиноваться каждому предмету. От этого у гениальных художников накапливается сокровище из разнообразнейших образов мира, и может показаться, что этот художник обладает каким-то «всеведением». Это изумляет нас у Пушкина, у Достоевского, у Леонардо да Винчи и у Шекспира: «кажется, что этому художнику открыто *все*, что *все* он знает, все видит»; что дух его древен, как мир, ясен, как зеркало, и мудр некой божественной мудростью; что поэтому он «всегда творчески юн и нов, оригинален и неисчерпаем»².

Ильин конкретизирует сердечное созерцание. Оно – вчувствование «в самую сущность вещей»; сосредоточенное вживание, движимое духовной любовью к «любимому духовному предмету», «*тотальное вживание в любое жизненное содержание*» и культурно-творческое его претворение³. Дар созерцания предполагает *повышенную впечатлительность духа*: способность восторгаться «всяким совершенством и страдать от всяческого несовершенства». Это есть некая «обостренная отзывчивость на все подлинно значительное и священное как в вещах, так и в людях». Созерцающий не задерживается на поверхности явлений, но видит эту поверхность с тем большей остротой и точностью, чем глубже он проникает в их сокровенную сущность⁴. «Сердечное созерцание, – заключает Ильин, – сообщает культурному акту предметность, проницательную глубину, духовную значительность и творческую силу»⁵.

Из любящего «сердца» исходит свободное сердечное созерцание, соединяющее в себе творческие ресурсы воображения, мышления и др. способностей в их направленности на *достойное содержание*. Духовное созерцание становится *творческим* в науке и в искусстве, в философии и жизни. В познании оно предстает как *интеллектуальное видение* (Платон, Гегель, И. А. Ильин, Н. О. Лосский). Не случайно, именно Гегель открыл опыт конкретного мышления, кото-

¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 542.

² Там же. С. 542.

³ Там же. С. 543

⁴ Ильин И. А. Талант и творческое созерцание. Посвящается молодым русским поэтам // Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. II. С. 350

⁵ Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 544.

рое и есть духовное созерцание. *Синтетические* суждения, о которых размышлял И. Кант, доступны духовному созерцанию, а не аналитической мысли. В этике и политике, в целепонимании и действии такое созерцание может открыть человеку *предвидение* событий благодаря вчувствованию в мотивы поведения людей. В сфере права и правоведения оно пробудит в человеке живую интуицию правосознания и сообщит ему такое предметное правовое видение (свобода, справедливость, братское единение), о котором «современная юриспруденция забыла и думать»¹. «Что касается художественного творчества, то его настоящий источник живет именно в сердечном созерцании. Воображающее вчувствование есть именно тот подход к миру, который открывает человеку все двери и все богатства вселенной; нет ничего такого, что могло бы заменить художнику луч созерцающего сердца, — ни в замысле, ни в вынашивании, ни в формировании, ни при завершающей отделке». Сердечное созерцание приведет «к символически-художественному видению». Сердечное созерцание составляет «подлинную сущность творческого отношения человека к человеку: без него нет ни истинной дружбы, ни истинного брака и семьи, но лишь бледные и обманчивые тени живого общения»².

Сердцу ведомо чувство *родного*. Родное объективируется в *благое содержание* — как любимый человек, семья, соборное «мы», отеческое наследие, родной язык и родная культура, Родина, Отец Небесный, творческая жизнь. Это — чувство Дома, а не чужбины; это — «животворящая святыня», основа «самостоянья человека», «залог величия его»; без родного «наш тесный мир — пустыня», «душа — алтарь без божества» (А. С. Пушкин). Из чувства родного вырастают *преемственность поколений, национально-культурная идентичность, духовная преемственность поколений и единение народа*.

Кризис современной технической цивилизации заключается в угасании любви и воли к совершенству, чувства родного и Родины, в формальной образованности, ориентированной на технику жизни, в верховенстве рационально-волевого начала над духовно-ценностным. Культуротворящий акт современности исходит из первого уровня психики и создает бессердечную культуру, тяготеющую к *пошлости без святынь*. «Ныне цивилизация, — пишет В. И. Плотников, — изжила

¹ Ильин И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 544.

² Там же. С. 544 - 545.

себя, и никакие проекты ее обновления уже не в силах вырвать человечество из тисков жесточайших противоречий»¹.

Кризис состоит в эрозии духа из-за угасания аксиологического синтеза. Как потеря логического синтеза означает лишение рассудка, так и неспособность к руководству аксиологическим синтезом ведет индивидов из *истории в зоологию*, где уже нет ни нравственности, ни набедренной повязки.

Поскольку опыт «сердца» непревзойденно представлен в патристике, в святоотеческом Предании, то современникам надо спастись приобщением к этому опыту. А. С. Панарин, один из самых прозорливых аналитиков и прогнозистов писал: «Мы знаем: настоящий рабочий, сохранивший трудолюбие, прилежание и усердие, – это тип, не успевший расстаться со старыми ремесленно-крестьянскими архетипами, питающими его архаическую привязанность к труду. Мы уверены: настоящая творческая личность, способная что-то сделать в науке и культуре, – это тип, сохранивший архаическую способность воспламеняться, бескорыстно усердствовать, тянуться к высшему. Иные, “истинно современные” и эмансипированные, типы ни к чему подобному уже не способны. Поэтому они тянут эпоху от индустриального общества к такому постиндустриальному, которое поразительно напоминает военно-феодальную или спекулятивно-ростовщическую формацию далекого прошлого с соответствующей им грабительской моралью. Тайна истинного постиндустриализма, – заключает он – в сохранении “архаической” пассионарности морально-религиозного типа. Без такого архаизма современность рискует соскользнуть в варварство и даже дикость. Может быть, замечательный архаизм Православия является шансом человечества – одной из гарантий того, что творческий цивилизационный постиндустриализм еще может быть спасен в наступающем глобальном мире»².

Креативность «сердца» и кризис бессердечной культуры. Такая «культура» есть техногенная цивилизация, устремленная на обустройство *внешней жизни внешнего человека*. Поэтому в ней главными являются *техника, бизнес с его товарно-денежной связью, все регламентирующее право и наука, разрабатывающая технологии*.

Нынешний культурно-творческий акт, отмечал Ильин, покоится

¹ Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба // Двадцать лекций по философии: Учеб. пособие. 2 изд. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С. 399-400.

² Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002. С. 492–493.

«на чувственном восприятии» и считает его «дверью во внешний мир»; пред той дверью сидит критически настроенный страж – «мысль»; из их союза зарождается «позитивная наука и техника»; результаты этого союза подхватываются *«инстинктом и волей»*: инстинкт становится стимулом «экономики, воля – стимулом государства». Воображение находится под строгим контролем разума. Жизнь чувств вообще вытесняется из культуры общества и имеет место только в частной жизни. В мире бизнеса они ни к чему¹. Доминирует *частичный субъективный акт*.

Без сердца мышление остается релятивистским, карьеристским, льстивым и продажным; ему все равно, за что братья, что доказывать и пропагандировать; лишенная интуиции, вчувствования в предмет, оно сугубо аналитично, все разлагает и подкапывает, оперирует пустыми конструкциями. «Отсюда – формализм и схоластика науки, формальная юриспруденция, разлагающая психотерапия, бессодержательная эстетика, аналитическое естествознание, парадоксальная математика, абсолютно мертвая филология, пустая и безжизненная философия»², в частности, бессердечная «материалистическая» диалектика.

Бессердечная воля, лишенная любви, становится безжалостной, она стремится к власти, к обладанию, для нее все средства хороши; она творит тоталитарные государства, антисоциальный капитализм и т.п. Воля не имеет верного критерия выбора. Она есть «сила концентрации, лишенная очевидности». Самые отвратительные и преступные организации в истории строились и держались силою воли³.

Воображение без любви духовно слепое, оно породило декадентский модернизм⁴. На этом пути слагается искусство мнимое, «часто ничтожное и пошлое»: «это пестрые, безвкусные, праздные обрывки»; «это больные выкрики», «вспышки духовного безволия, немощи и распушенности», обломки безобразных замыслов, неестественные выверты, противоестественные химеры. «И над всем этим царит какая-то чувственная возбужденность, нервная развинченность и духовная пустота, – три свойства, все вместе определяющие атмо-

¹ Ильин И. А. Стань цельным // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 8. С. 546.

² Ильин И. А. Взгляд в даль. Книга размышлений и упований // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998, т. 8. С. 396.

³ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 540.

⁴ Ильин И. А. Взгляд в даль. С. 396-397.

сферу *современного «модернизма»* в искусстве»¹. Искусство модернистов «бредит на языке больных страстей и бесцензурно выбрасывает сырой материал бессознательного». Современное искусство перестало служить священному, стало забавою, созданной для возбуждения и раздражения, не то развратною потехою, не то беспринципным промыслом. Оно творится в атмосфере *художественной бессовестности*: здесь все позволено². «И невольно возникает вопрос: искусство это или больной бред? Художественное творчество или духовное разложение? Культура или гниение?». Бред и гниение, если иметь в виду современные СМИ России.

Культура Запада, замечает Ильин (он там жил 32 года), как бы построена *из льда и камня*. Люди выступают по отношению друг к другу «запертыми сундуками»; современный человек *«стыдится своей доброты и не стыдится своей злобы»*³. Питирим Сорокин, патриарх западной социологии, в работе «Кризис нашего времени» свидетельствовал: «Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань. ... Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами»⁴. То, что такие «ужасы» крайне обострились в современном Западе, убедительно раскрыл в своей книге «Смерть Запада» бывший советник президентов США Никсона и Рейгана, кандидат от Республиканской партии на выборах в президенты в 1992 и 1996 годов Патрик Дж. Бьюкенен⁵.

Вся современная культура, отмечает И. А. Ильин, сорвалась на том, что не сумела сочетать основы духа – свободу, любовь и предметность; не сумела стать «культурой *сердца* и культурой *предметности*». *Бессердечная свобода* стала «свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям». Осуществить социальную свободу могут «только люди *с сердцем и с предметною волею*, ибо справедливость есть дело *живой любви и живого совестного созерцания, т.е. – предметно построенной и устроенной души*». Рассудок

¹ Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. I. С. 65-66.

² Там же. С. 67 – 68.

³ Ильин И. А. Взгляд в даль. С. 395.

⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

⁵ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада: Пер. с англ. А. Башкирова. М., 2003.

без любви и без совести, есть «разновидность человеческой глупости и черствости, а глупая черствость никогда еще не делала людей счастливыми». Свобода, любовь и предметность обуславливают друг друга: «если бессердечная свобода ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода ведет к духовному разложению и социальной анархии». Спасение не в отмене свободы, а в ее сердечном наполнении и предметном осуществлении¹. А если сложить свободу бессердечную и свободу беспредметную, то получится современный постмодернизм, т.е. хаотизированное сознание.

Развернув панорамную картину *духовного кризиса* человечества XX века в высшем его сосредоточии – в религии, Ильин дает гениальный совет: выход из кризиса – в обновленном сердечном понимании христианства, в *«постижении и усвоении утраченного нами религиозного опыта самого Христа»*². Это обновление совершается так, что при чтении Писания, читающий пытается «укрепить в себе самом описываемое в тексте: помыслить сердцем совершенство Божие и пребыть в нем, пока не наполнятся им сердце и воля (акт совести); найти в себе силу любви и обратить ее (хотя бы на миг) к Богу, а потом – к людям и ко всему живому»³. Воистину – гениальный совет, предел мудрости человеческой.

Современный кризис – *«это кризис расколотого человека»*; он не верит в Бога – сосредоточие всех высших смыслов, поэтому у него атрофировался религиозный орган – *любящее сердце*, фокусирующее в целостность все творческие силы души. *«Аналитический разум, беспочвенная и разнузданная воля и бездуховный инстинкт самосохранения»* – вот все, что ему осталось. Все остальное подлежало осмеянию: вера, стыд перед собственным безжизненным сердцем, творческое созерцание ...»⁴. Расколотый духовно человек – «несчастный» и «обессиленный». Воспринимая истину, он не может определить, истина это или нет. Вопрос о добре и зле он подменяет вопросом об относительно полезном и относительно ущербном. Он во всем *релятивист*. Если он любит, то не уверен, любит ли он или не любит. Его «да» заигрывает с «нет». В его душе много центров. Каждому он клянется в вер-

¹ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1993, т. 2, кн. 2. С. 179-180, 181.

² Ильин И. А. О религиозном кризисе наших дней // Собр. соч.: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М., 2005. С. 172.

³ Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Одинокий художник. М., 1993. С. 304.

⁴ Ильин И. А. Стань цельным // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 8. С. С. 438.

ности. Как только один из центров оказывается не совсем удобным, слишком требовательным, он тут же съезжает на «другую квартиру» души и устраивается там поудобней. Он ни с чем не связан подлинной верностью, ко всему готовый, ни во что не верующий, ничего не любящий, скорый на предательство, довольный собой. Он «политкорректен» и «толерантен». Такова его свобода, и таков его гуманизм. «В нем нет самой важной, самой драгоценной основы духовного характера – всеобъемлющего, единого, *единственного центра жизни*»¹.

Ильин советует: «человек должен обрести в себе свою цельность. Он должен собрать ... разлетевшиеся органы своего духа, оживить их и восстановить заново. Человеческий разум должен снова и снова пробиваться к вере, поборов в себе ложный стыд перед собственным сердцем. Мысль должна примириться с творческим и снова стать созерцательной, интуитивной, провидческой. Аутентичная фантазия должна пройти школу предметной интенции и духовной ответственности. Формальная, безудержная воля должна подчиниться совести и сердцу. ... Тогда рассудок обретет способность к созерцанию и станет разумом, а созревающий разум станет повиноваться сердцу, так что все пути будут вести к сердцу и исходить из сердца. Сердечное созерцание, совестливая воля и верующая мысль – вот три великие силы грядущего, которым будут по плечу все проблемы бытия; они-то и создадут человека, обладающего творческой цельностью»².

Только любящему сердцу доступна глубина постижения и очевидность *преимущества объективно-лучших, совершенных содержаний*³.

Вывод один: кризис культуры проистекает из *неверного культуротворящего акта*. Этот акт исходил из *первого* уровня психики, из чувственности, эксперимента, рассудочного мышления, прагматичной воли. Надо перестроить *саму его структуру*, руководствуясь «вторым уровнем» и внести обновленный культуро-творящий акт не только в искусство, науку, религию, но и в образование, хозяйство, социальные отношения, государственное строительство.

Верный жизненный выбор – дело духовной любви. Кто ничего не любит и ничему не служит, тот бесплоден. Только любовь может ответить человеку на важнейшие вопросы его жизни: чем стоит жить?

¹ Ильин И. А. Стань цельным. С. 438.

² Там же. С. 438 – 439.

³ Об этом см.: Гончаров С. З. Философия совершенства Ивана Ильина. Екатеринбург, 2007. С. 104 – 198.

Чему стоит служить? С чем бороться? Что отстаивать? «Все остальные душевные и телесные силы человека суть “верные и способные слуги духовной любви”»¹. Без «сердца», без развитых духовных чувств, которые атрофируются в условиях современной техногенной цивилизации, исчезнут пророки и праведники, вожди и герои. Останутся или гедонисты-аутисты, или логически вышколенный научно-технический персонал с одной технико-экономической рациональностью.

О кризисе самого культуротворящего акта размышляет в своей статье Л. А. Закс. Обозревая тенденции современной культуры, он отмечает банализацию высокого и десакрализацию потаенного. Пережившей культуре «не до духовных тонкостей, психологических глубин и смысловых нюансов – все это требует слишком большого, невозможного для нее духовного усилия». Душа тоскует «по сокровенности и теплоте» утраченных смыслов, пробует найти ориентиры и спотыкается «об узаконенный культурой ценностный релятивизм, всеобщее господство игры и как никогда влиятельный материализм (культ силы, секса, экономики и власти)». Одной из первых жертв этого духовного кризиса становится «всегда личностная и сокровенная любовь»². На обширном материале автор обнажает тенденцию в театральном искусстве; это – «утрата веры в любовь и боязнь любви, неверие в самое ее возможное (“безлюбье”) и ее девальвация, замена подлинной любви ее “симулякрами” и неспособность понять и удержать ее высокую и трагическую сложность». Частный, интимный вопрос (любовь), размышляет автор, становится «воистину глобальным для XXI века. Ведь речь идет – ни много, ни мало – о сохранении человеческого в человеке». Материальные блага не помогут преодолеть кризис в области духа и культуры. А что же поможет, спрашивает автор. «Не знаю. Может быть, сама любовь? ... “Я люблю любовь” – пока культура не скажет это, не станет жить, исходя из этого, проявив волю к утверждению и защите самого сокровенного, что есть в человеке, ... сохранение “человеческого” остается под вопросом»³.

Сердечное созерцание, гениальность и талант. Понимание сердцем целостное, прозревающее за реальностью ее нравственно-эстетически-религиозную значимость, и дающее *интегральную, кре-*

¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 541.

² Закс Л. А. Любовь – театр – культура. Рубеж веков // Петербургский театральный журнал. 2001. № 24. С. 11.

³ Там же. С. 16.

ативно-антропологическую оценку, недоступную для рассудка. Когда мы понимаем одним мышлением, то мы строим активностью своего *Я* форму, структуру предмета. Это – *логическое* понимание. Понимание, исходящее из сердца, иное – *ценностно-образно-эмоционально-побудительное*. Оно богаче содержанием, прозревая за вуалью внешней реальности скрытые гармонии и совершенные отношения, подобно тому как мы видим солнечные блики за облаками. Оно исходит из любящего, поющего «сердца» и поэтому оно – любящее созерцание, а значит и творческое, и художественное. Любовь увеличивает «радиус своего действия» (Л. Зонди), расширяется диапазон предметного творческого созерцания, растет эвристический потенциал и ученого и художника и политика, каждого, кто вовлечен в подлинную предметность.

Когда субъект созерцает предмет в воображении, то он пытается схватить *внутреннее единство* во внешнем пестром многообразии фактов; обнажить *форму, строение, структуру предмета*. Это – *мыслящее созерцание* в сфере воображения, обычное в научном познании. В воображении велика доля эмпирического материала, которое оно перерабатывает в понятия и смыслы, в целое. *Обзор предмета в воображении* готовит собой условия для духовного созерцания.

Сердечное (духовное) созерцание тоже мыслящее, точнее, разумное, но с тем отличием, что субъект переносится в предмет в большей мере, вживается в него, становится им и созерцает его в аспекте чистого *смысла* и сути предмета, убирая все лишнее: предмет созерцается изнутри самого предмета так, что он, как будто, обладает своим «я» (самостью), которое пронизывает изнутри все свойства предмета так же, как наше *Я* проходит, как нож сквозь масло, через все наши чувственные состояния. Духовное созерцание – это созерцание самого «я» предмета, его самости, из которой и созерцаются субъектом конкретные качества и свойства предмета и его отношения с иными предметами.

Предмет в акте такого созерцания предстает как свободный, самодетельный и целостный. Примерно такой же, как наше *Я* пронизывающее все ткани наших конкретных состояний. Кроме этой качественной стороны есть и количественная сторона отличия: духовное созерцание обозревает смыслы в из символических облачениях и поэтому оно не так локально, как созерцание в воображении, менее привязано к частностям и ему присуще обозрение смыслов в составе *неоконечного Целого*; вспомним созерцание Ф. И. Тютчева: «Живая

колесница мироздания / Открыто катится в святилище небес». Представить бездну звездного мира можно без труда, но почувствовать «святилище» небес дано только сердцу и его созерцанию, но не мышлению, не воображению, ни воле и др.

В духовном творчестве, писал И. А. Ильин, есть две функции: способность *творческого созерцания* и способность легкого и быстрого проявления, *выражения*. Ими люди одарены не в равной мере. Нередко предполагают, будто талантливый человек всегда исходит из *творческого созерцания*. На самом деле, подчеркивает Ильин, правильно называть «талантом» только *вторую* силу. Талант сам по себе есть дар легко и быстро, ярко и метко выражать все, что проносится через внутренний мир человека¹. Наличие таланта определяет не то, *что* человек творит, а лишь то, *как* он это делает. Талант блесит, сверкает, чарует. Между тем «талант, оторванный от творческого созерцания, *пуст* и беспочвен»². Талант нуждается не только в умении, в технике. Ему необходим еще «*духовный опыт, творческое созерцание, творческое вынашивание*, чтобы не создавать пустую красоту или соблазнительную яркость»³. Поэт В. Г. Бенедиктов, отмечает Ильин, был мастер слова. Но он был лишен творческого созерцания, и сказать ему было почти нечего. Ф. И. Тютчеву присуща сила творческого созерцания. Его поэзия пропета из «таинственной стихии мира и человечества», из ее древнего хаоса. Он не только созерцал, но и умел петь «о муках и восторгах созерцания». Но сила его таланта не всегда попевала за его безмерным видением. У М. Ю. Лермонтова сила созерцания просыпается задолго до того, как созрел его талант.

Так обстоит дело и в живописи, и в научном познании. Есть люди с глубоким духовным созерцанием, которые не могут ни вообразить (облечь увиденное в земные образы), ни изобразить (передать и закрепить эти земные образы для других). Эти подспудные мудрецы уходят обычно или в молитвенное подвижничество, или в философию⁴.

Гениальность, таким образом, И. А. Ильин связывает со способностью творческого созерцания, которое и есть источник *предметной конкретности*. «Художественное искусство, – делает вывод Ильин, –

¹ Ильин И. А. Талант и творческое созерцание. Посвящается молодым русским поэтам // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. II. С. 341-342.

² Там же. С.342-343.

³ Там же. С. 345.

⁴ Там же. С. 346, 348.

возникает только из сочетания двух сил: силы духовно-созерцающей и силы верно во-ображающей и из-ображающей увиденное». Творческое созерцание – *«истинный и глубочайший источник художественного искусства»*, ее *«алтарь и гений»*, «здесь таится вдохновение – эта благодатная сила творческого перворождения». В созерцании и вдохновении художник прозревает за пеленой явлений некие гармонии и совершенные отношения, и талант художника становится *«лишь живою и верною арфою узренных им содержаний»*¹.

Дары сердечного созерцания. Из особенностей сердечного созерцания следуют и его дары:

- поскольку предмет созерцается из его самости, то такое созерцание *предметное*, а не *произвол фантазии*; причем *существенно предметное* (постигается сущность предмета); будучи предметным, такое созерцание является *конкретным*, причем *духовно-конкретным*, а не чувственно-конкретным, что присуще чувственному созерцанию с его внешней обыденностью, эмпиричностью, которая сама лезет в глаза;

- духовно-конкретное содержание есть *единство в многообразии*, а не только многообразие без единства (чувственное созерцание) или единство без многообразия (рассудок); так творится *духовно-конкретное* воссоздание предмета в понятиях науки, образах искусства, символах религии благодаря сосредоточенности духовного созерцания;

- духовно-конкретное содержание предстает как *целостность* («органичность»), когда мера целого составляет *смысл* частей, а части предстают как органы целого; при этом мера целого и меры частей согласованы, *гармоничны*, что составляет неотъемлемое условие *художественности*;

- позволяя схватывать предмет целостно, духовное созерцание дарует тем самым, во-первых, *эвристичность*, открытие скрытых отношений (ибо кто понимает целое, тот понимает и назначение частей в составе целого), во-вторых, эстетичность, тяготеющую к *художественности*;

- сердечное созерцание, далее, дарует способность воспринимать предмет как свободный и самостоятельный; ибо такое созерцание исходит из любящего сердца, которое поет свободно и самостоятельно; тем самым субъект страхуется от рассудочного формализма, объекти-

¹ Ильин И. А. Талант и творческое созерцание. С. 351.

визма, статичности (метафизичности) и редукционизма, особенно в понимании социальной реальности;

- созерцание предмета в составе *неоконечного Целого* позволяет обрести в понимании предметной области *панорамность, полноту* и открывает возможность выхода за рамки канона к новому «органону», к пониманию новых граней и измерений бытия;

- все, вместе взятое, сообщает человеку общую, «экзистенциальную», жизненную креативность, акмеологичность – в восприятии, воображении, созерцании, волеии, вере, любви. Звездный мир преломляется в восприятии двояко – чувственно и духовно. В первом измерении он дан как нечто материальное, тяжелое, упругое, твердое, одно давит на другое, сковывает. Во втором, – панорама иная: универсум свободно, согласно своим свойствам разворачивает свое содержание, и оно раскрывается как свободная игра сил, как сочетание многообразных стремлений, «порывов», как *целосообразность* в виде стройных мер, порядка, гармоний.

Апперцепция сама по себе есть безмолвная свободная однородная самоустраемленная активность. *Духовное же созерцание есть единение сердца и разума*, ценностного и смыслового измерений. Поэтому разумное созерцающее мышление всегда и *аксеологично*. Разум совестлив и свободен от пошлости рассудочного мышления. Понятия как деньги. Деньги, не обеспеченные товарами, подвержены инфляции. Понятия, не обеспеченные творческим созерцанием, дают «скелет» предмета. Сколько ни говори «система, система», «бифуркация» и «аттрактор» от этого, без творческого предметного созерцания, «синтетические суждения», прирост нового знания не появятся. Без творческого созерцания омертвевает всякий метод – и диалектический, и системный, и синергетика¹.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному в значительной мере стал в советской философии достоянием лишь «методологии», а не работающим способом *предметного* исследования потому, что мышление стало пониматься только как *оперирование понятиями*. Тогда как *предметное* мышление всегда осуществляется как *мыслящее духовное созерцание* сути дела, как созерцающее вчувствование и перевоплощение в предмет. К. Маркс в наброске о методе политической экономии сразу ссылается на то, что предмет как целое должен *витать в представлении*, созерцаться. Разумное мышление

¹ Гончаров С. З. О синергетике, редукции и эвристике // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2005. № 2 (32). С.114-125.

возможно через духовное созерцание предмета, а не путем только одних понятий, что присуще рассудку. Рассудок потому не выносит противоречия, что он не созерцает мыслимый предмет, в котором противоречия не только содержатся, но и *разрешаются*. Прирост содержания потому осуществляется благодаря созерцанию, что субъект сам «превращается» в *предмет*, сам творит *его процессы* и сам же *созерцает результаты процесса*. Созерцающее разумное мышление рефлектирует так, как *само целое через свои процессы рефлектирует о себе через взаимодействие своих частей*. Это стремился выразить Гегель в своем учении о сущности и о понятии. Талант, будь то искусство или наука, и есть дар творческого духовного созерцания.

Сердце и разум, соединенные духовным созерцанием, суть два крыла творческого взлета и парения духа в путешествиях за открытиями.

Духовный акт русской культуры. Этот акт выражается в особенностях русской науки, русского искусства, русского православия. В русской науке сложился метод живого *творческого созерцания предмета как целостности*. Такое созерцание не отменяет логику, а наполняет ее *живой предметностью*, не попирает факты и законы, а схватывает *целое в частях*. А кто понимает целое, тот понимает и назначение частей. Отсюда следует *фундаментальность* русской науки, которая была *духовно зрячей*, а не слепой: она не застревала на внешней стороне предмета (эмпиризм), не убивала рассудочной формалистикой его живую органику (рационализм), но творческим созерцанием схватывала целое в частях – «организм» природы, страны, целостную жизнь» изучаемого языка, дух и судьбу народа за историческими деталями. *Метод русской науки – это духовное созерцание целостности предмета*. Из этого метода следует масштабность русской мысли, соединенной с живой конкретностью, будь то историография (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин), педагогика (К. Д. Ушинский), медицина (Н. И. Пирогов), естествознание (Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский) или вся русская математическая школа. *Целостность схватывается только созерцанием!*

Русская классическая философия была столь же фундаментальной, потому что она исходила из духовного созерцания, свободы, предметной конкретности. Ее творческий характер, ее гениальные прозрения, ее глубина в изложении ценностных основ духа, богопознания, нравственности, искусства, правосознания и государства, труда и собственности, семьи, и воспитания, национального самосозна-

ния и Родины, культуры и хозяйства можно объяснить тем, что творцы этой философии (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.) вобрали своим духовным актом от православия *чувство совершенства, определяли им значение событий и синтезировали именно им конкретный материал жизни и духа в целостную картину богопознания и миропонимания*. К примеру, Н. О. Лосский исходил из интуиции в познании и обосновал все значение «чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции». Русская философия была и будет постижением совершенства в акте сердечного созерцания, которое наполняет логику живой предметностью и выражается в конкретном понятийном мышлении.

Русское искусство, подчеркивал И. А. Ильин, призвано развивать «тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководствовалось доселе. ... У русского художества *свой национальный творческий акт*: нет русского искусства без горящего сердца, ... без сердечного созерцания, без свободного вдохновения, ... без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет это все, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом»¹.

Русская культура цвела тогда, когда она творилась стремлением любящего сердца к совершенству, сердечным созерцанием скрытых гармоний. В этом плане остро актуальны мысли Ильина и о воспитании в «грядущей России». Бессердечная «формальная образованность вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации»²; то «шкурничество», ту «беспринципную изворотливость, тот «циничный эгоизм», при которых невозможны «культурное творчество», общественное строительство», понимание высшего измерения вещей, дел и людей. Самое важное, что должно дать человеку воспитание – «это *предметно открытый взор, предметно живое сердце и предметно готовую волю*»³. Поскольку ценности избираются духовными чувствами, а отечественная культура имеет эмоционально-ценностную природу, то именно на основе отечественной культуры только и можно воспитать у учащихся те ценно-

¹ Ильин И. А. Ильин И. А. Наши задачи: В 2 т. М., 1992., т. 1. С. 429.

² Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993, т. 2, кн. 2. С. 179.

³ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России. С. 183 – 184.

сти, которые они примут *искренне* как нечто *родное*, как духовный факел в смене поколений.

Итак, творческий универсум русской культуры осуществился потому, что *культура творилась целостным духовным актом, творческим созерцанием и питалась любовью и волей к совершенству*.

Русская культура обретет второе дыхание, если она унаследует в XXI веке качественный дух совершенства и свой духовный акт – акт творческого созерцания, который исходит из любящего сердца и составляет материал мышлению для оформления и воли для осуществления и организации. Как бифокальное зрение позволяет воспринимать мир пространственно-объемно, а не плоско, так и двоецентрие духа – *сердце и разум, соединенные духовным созерцанием*, – сообщают пониманию и переживанию смысловую объемность, полноту. Ибо «сердцем веруется в правду» [Рим. 10:10].

ПРИНЦИП «ЖИВОГО И ЦЕЛЬНОГО ЗРЕНИЯ УМА» В ПОСТИЖЕНИИ ИСТИНЫ

Кленов Л.А.

Для западного мышления *истина* с давних пор означает идеал познания, заключающийся в совпадении мыслимого с действительностью, в правильном понимании, знании объективной действительности. И стремление к истине лежит в основе научных и философских исканий.

Западная наука, вырастающая из философского материализма, в постижении истины добилась немало. Именно она повела за собой человеческую цивилизацию путем ее *техногенного* развития, именно ей мы обязаны самим фактом существования развитой техносферы, обеспечивающей достаточно комфортное пребывание цивилизованного человечества на Земле.

Однако ныне ситуация начинает радикально меняться, ибо под угрозой оказывается само существование человечества, обоготворившего ранее эту науку. И, часто, вина за обрушивающиеся на людей бедствия возлагается именно на науку. Думается, здесь речь должна идти не столько о вине, сколько о беде науки, основывающейся на традиции философско-материалистического мировоззрения и, соответственно, стремящейся к постижению истины на пути насильственного овладения тайнами бытия.

Европейские наука и философия, особенно на стадии механического детерминизма лапласовского типа были и остается, по сути, от-